

- Parker J. Constructing Dementia and Dementia Care. Daily Practices in a Day Care Setting // Journal of Social Work. 2005. № 5(3). P. 261–278.
- Rannveig V. Kaldager Serial monogamy: an increasingly common pathway to childlessness. URL: <http://erc2014.princeton.edu/papers/140842> (дата обращения: 02.11.2014).
- Ranson G. David HJ Morgan, Rethinking Family Practices // International Sociology. September. 2012. P. 624–627.
- Santoro M. Cohabitation as a New Family Form in Italy: How the Meaning of Marriage Changes // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change. Torino, Italy, 28–31 August. Turin: University of Turin, 2013. P.668.
- Schmiade N., Klaus D. Living Apart Together in Europe. Comparative Findings of a Modern Family Form // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change. Torino, Italy, 28–31 August. Turin: University of Turin, 2013. P. 669.
- Seiffge-Krenke I. Changes in fatherhood // Family Diversity. Collection of the 3rd European Congress of Family Science / Eds. O.Kapella, Ch. Rille-Pfeiffer, M. Rupp, N.F. Schneider. Barbara Budrich Publishers, Opladen and Farmington Hills, MI, 2010. P. 167–182.
- Segalen M. Questions about the contemporary family in Europe // Family Diversity. Collection of the 3rd European Congress of Family Science / Eds. O.Kapella, Ch. Rille-Pfeiffer, M. Rupp, N.F. Schneider. Barbara Budrich Publishers, Opladen and Farmington Hills, MI, 2010. P. 49–59.
- Spring S. Fertility Tourism: Childless Couples Try India. URL: <http://www.newsweek.com/fertility-tourism-childless-couples-try-india-107551> (дата обращения: 01.11.2014).
- Suwada K. How to be a Dad in Poland? Fathering in Times of Changing Gender Roles and Family Models // ESA 11th Conference Crisis, Critique and Change. Torino, Italy, 28–31 August. Turin: University of Turin, 2013. P. 638.
- Jurczyk K. Doing Family – Structuring Everyday Life as a Modern Challenge // The Future of the Family. Demands on Family Policy and Family Science. Bamberg, 2013.

© 2015 г.

О.Г. ИСУПОВА

МАТЕРИНСКАЯ КАРЬЕРА: ДЕТИ И ТРУДОВЫЕ СТРАТЕГИИ

ИСУПОВА Ольга Генриховна – PhD, доцент НИУ ВШЭ, Институт демографии, Москва, Россия (oisupova@hse.ru).

Аннотация. Рассматриваются¹ особенности поведения матерей на российском рынке труда в 1990-е гг., а также в эпоху относительной “капиталистической стабильности” 2000-х гг. Данные позволяют сделать некоторые ретроспективные оценки сочетания женщинами трудовой деятельности и материнства и в предшествующие десятилетия, начиная с 1940-х гг. Основные положения статьи состоят в том, что в 1990-е и 2000-е гг. материнство осуществлялось в условиях постепенно ослабевающей институциональной поддержки и возрастания роли личной ответственности. Неформальные родственные и социальные сети оказывались все более востребованными, однако их усиление, соответствующее степени ослабления институтов, не происходило. Ориентация женщин-матерей на участие в рынке труда была стабильно высокой вне зависимости от их представлений относительно “основной роли” женщины в семье и обществе. Адаптация матерей к меняющимся условиям вынужденно оказывалась гибкой и требовала интенсивных трудовых усилий (сочетание домашнего и оплачиваемого труда).

Ключевые слова: материнство • дети • труд • стратегии • карьера

¹ По материалам панельного исследования, выполненного методом глубинных интервью в Сыктывкаре, Самаре, Москве и Ульяновске (грант ИНТАС N 97–20280); в данной работе использованы также результаты проекта в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Для статьи использованы интервью с женщинами, полученные на всех стадиях исследования (с 1997 по 2010 гг.), проведенных в Самаре (21), Сыктывкаре (27), Ульяновске (9) и Москве (22).

Основной метод изучения интервью – тематический анализ высказываний участниц на любые темы, связанные с материнством и его влиянием на их трудовые траектории. Темы возникали из контекста высказываний информантов, а затем группировались; из них выбирались центральные в отношении “материнской карьеры”.

Участие матерей в рынке труда. Согласно работам западных ученых, “идеальный работник” для рынка – человек, работающий сорок часов в неделю или больше [Ridgeway et al., 2004]. Женщина может стать таким работником, только если у нее нет детей [Crosby et al., 2004]. В отличие от Западных стран, в последние несколько лет у нас в стране происходит усиление нормы обязательности материнства для всех женщин. Результатом противоречивых общественных требований становится вынужденное более низкое позиционирование матерей на рынке труда по сравнению с бездетными женщинами и мужчинами. Особенности положения матерей на рынке труда связаны и с тем, что идеальный работник и идеальная мать, с точки зрения социума, практически противоположны друг другу [Ridgeway et al., 2004; Burgess, 2013].

Находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком женщины частично теряют свою квалификацию [Waldfoegel, 1997; Budig, 2001]. Женщины с маленькими детьми вытесняются в те области рынка труда, где не требуется специальных знаний и (или) не нужен большой опыт работы. На “материнских” рабочих местах нет жёсткого графика, режима труда.

Существует дискриминация матерей при найме и в оплате труда [Waldfoegel, 1998a; Anderson et al., 2003]. Разрыв в оплате труда матерей и бездетных женщин составляет, при прочих равных условиях, 10–20% в разных странах [Waldfoegel, 1998a; Joshi et al., 1989; Davies et al., 2005]. Российское исследование [Арженовский и др., 2007] показывает, что разница в заработной плате между женщинами с детьми и без них составляет 8,1 %.

Феномен трудового гендерного неравенства в России хорошо исследован (например, [Мезенцева, 1993; Ogloblin 1999; Новикова, 2003; Стукен, 2007; Кравченко, 2008; Ощепков, 2008; Побежко, 2009; Житникова, 2010; Зеленская, 2010 и др.]), однако работ, изучающих дискриминацию, а также специфику занятости именно матерей, пока немного. Следует отметить работы Т. Карабчук с соавторами и О. Савинской.

Наличие детей в возрасте до трех лет существенно сокращает шансы женщины выйти на рынок труда и количество часов, которые она может посвятить работе. При достижении детьми школьного возраста вероятность трудовой занятости и количество рабочих часов возрастают. Чем больше может заработать женщина по сравнению со своим мужем, тем больше вероятность того, что она относительно рано выйдет на работу после рождения ребенка. Уровень занятости матерей детей школьного возраста наиболее высок среди всех женщин (включая бездетных), а занятость матерей маленьких детей (от 1,5 до 7 лет) флуктуирует в пределах 55–75% в разные годы.

Все три основных теоретических подхода к объяснению различий в оплате труда (различия в накопленном человеческом капитале [Беккер, 1964]; характеристики рабочего места, профессии, отрасли, требующие определенной компенсации за менее привлекательные условия труда (теория компенсирующих различий); и дискриминационный подход, связанный с предпочтениями работодателя относительно социально-демографических характеристик работника) – релевантны для современных российских матерей [Карабчук, Панкратова, 2013]. В России, наличие детей не может служить причиной отказа при приеме на работу (ТК РФ, ст. 64), нельзя расторгнуть трудовой договор с женщинами, имеющими детей младше трех лет, и одинокими матерями с детьми младше 14 лет (ст. 261). Такое законодательство может являться одной из причин для дискриминации матерей работодателями при приеме на работу;

но они часто не соблюдают эти законы, нанимая матерей “неформально” или на условиях низкой оплаты труда.

Три основных “пика” выхода женщин на работу после рождения ребенка: первый – через примерно 6 месяцев после родов, второй – к моменту окончания выплаты пособия по уходу за ребенком (1,5 года), и третий – когда его можно устроить в детский сад (3 года). Раньше возвращаются на работу женщины-предприниматели или те, кто занимает руководящие посты. Женщины возрастных групп 20–29 и 30–39 лет в наибольшей степени вытесняются с рынка труда, поскольку именно на эти возрасты приходится больше всего рождений детей. В 40–49 лет женщины массово возвращаются на рынок труда [Савинская, 2011].

Результаты и дискуссия. Основная гипотеза автора заключающаяся в предположении о том, что существует некая “волнообразная” траектория занятости матерей в России с минимумами не только в первые годы жизни ребенка, но и в период первых лет обучения в начальной школе, поскольку специфика функционирования института образования требует все более интенсивной родительской вовлеченности (а максимумы возникают, когда ребенку 3–6 лет, и к тому времени, когда ребенку исполняется 12–17 лет), в основном подтвердилась, за исключением предположения о снижении интенсивности работы в период обучения ребенка в начальной школе. Такая траектория характерна для всех исторических эпох, которые оказалось возможным исследовать на имеющемся материале.

Однако каждая эпоха имеет специфику: в позднесоветское время переход матери на ниже оплачиваемую/менее квалифицированную работу в раннем возрасте её ребенка был часто связан со сложностями устройства в детский сад; в настоящее время из-за аналогичных сложностей некоторые матери вынуждены на несколько лет вообще покидать рынок труда. В позднесоветское время меньшее, по сравнению с нынешним периодом, влияние на занятость матери оказывал период окончания ребенком школы, сейчас это время требует максимальных инвестиций в его будущее. Более ранние поколения родителей либо придавали меньше значения образованию детей (отчасти потому, что сами были в среднем менее образованными, отчасти в связи с тем, что рынок труда предоставлял достаточно рабочих мест для людей с невысоким уровнем образования), либо полагались в этом на школу, в то время более независимую от родительских усилий и денег (“В 1961 году умер отец... В семье 4 детей, а я самая старшая в доме. Мне хотелось дальше учиться, а мать сказала: “Ты не можешь дальше учиться.” Пенсия была 40 рублей 50 копеек и мать рублей 60 получала. А нас четверо”).

Важно отметить, что ситуация была очень разной в эти десятилетия, и советское время нельзя воспринимать как некую монолитную эпоху. Две биографии дают возможность ретроспективного анализа практик сочетания труда и воспитания детей в 1940-е и 1950-е гг. в республике Коми. Для данной эпохи характерно превалирование занятости и “остаточный” принцип существования материнства. Дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста были практически предоставлены сами себе. От детей младшего школьного возраста ожидалось самостоятельное выполнение бытовой и хозяйственной работы (уход за скотом, растапливание печки, приготовление еды и т.д.). Среднее образование было необязательным, и для многих оказывалось недоступной роскошью, дети в 10–12 лет бросали школу и шли работать, причем на такие тяжелые рабочие места, как лесоповал.

Что касается трудовой биографии женщины, в это время дети у нее появляются и растут как бы сами собой (перерывы на их рождение и уход за ними очень небольшие) – сохраняется и в 1950-е гг.: *“Я еще работала в лесу... Я еще беременная там работала. Очень тяжело было. Родила недоношенного. На 7-м месяце. и мне дали.... Тогда давали 25 дней, а мне дали на 10 дней больше. 35 дней... Потом на ноги встал. То у одной бабушки, то у другой. Так воспитали”*. И отчасти (по нашим интервью) это

имело место и в 1960-е. Но в это десятилетие картина складывается более противоречивая – о детях рассказывают подробнее, однако перерывы в трудовой деятельности самой матери в связи с появлением их у нее практически не упоминаются.

О 1970-х и особенно 1980-х гг. есть больше информации, и можно говорить о существовании в это время как минимум двух типов материнского поведения. Для первого характерны приоритет трудовой активности и чувство уверенности, что все проблемы с ребенком поможет решить общество (ясли с 2–4-х месяцев при необходимости): *“Вот... младшая, она у меня в ясли пошла с двух месяцев... или с трех... я даже не сидела год, потому что... я просто вообще не могу дома”*; *“После года он пошел в ясли. И болел до 3 лет постоянно, меня и на работе ругали – 2 недели работаю, 2 недели на больничном. Но я говорила: подождите, привыкнет – перестанет болеть”*. А также характерно использование любых родственных ресурсов – у большинства родственные связи были еще очень крепки. Преимущественно помогали бабушки и даже прабабушки (как с отцовской, так и с материнской стороны), затем сестры, старшие дети, мужа, подруги, даже няни: *“В сентябре 1973 родилась дочь... Ведь я еще институт не закончила, а дочь не с кем было оставить. Он мне помогал... Я на работу вышла, когда Кате было 8 месяцев, в садик ее еще не брали. Если бы я не вышла, то место экономиста было бы занято, а прощаться со своим ОПСОМ мне не хотелось... Мы наняли тогда нянечку”*. Такая помощь воспринималась как сама собой разумеющаяся и поэтому не стоящая развернутого рассказа (за исключением ситуаций, когда происходило что-то необычное — например, муж жертвует карьерой, или нанимается няня, как в вышеописанном случае).

Матери этого типа достаточно легко идут на то, чтобы, если ребенок еще мал для детского сада, оставить его у своих родителей в другом регионе на длительное время (например, на год), а сами в этот период зарабатывают деньги в другом месте: *“Я мать-одиночка. [Декретный отпуск] вместе с рождением где-то 10 месяцев. Он у меня родился здесь [в Самаре], я сюда приехала рожать, а потом я его с мамой оставила [на Байкале] и уехала обратно”*. Многие женщины первого типа работают всю жизнь на одном предприятии – в эту эпоху такое поведение приносит существенные выгоды, например, получение жилья и/или места в детском саду от предприятия. Чаще всего даже карьерный рост происходит в рамках одной и той же организации.

Именно женщины первого типа упоминают о дискриминации по признаку не пола, а материнства уже в эти поздние советские декады, поскольку они приоритизируют работу и уверены, что дети так или иначе работе не помешают: *“Я ждала ребенка в январе... она у меня родилась 28-го... а 6-го января я пришла устраиваться на работу! И заведующая... посмотрела на меня, и сказала – у нас уже это место занято!”*

Второму типу матерей в эту эпоху было свойственно придавать больше значения своей семейной роли. При этом они все равно все время где-то работали, или хотя бы “числились” на работе. В этом случае уже трудовая биография адаптировалась к материнству. Более явно этот тип стал проявляться в 1980-е гг., когда увеличились отпуска по уходу за детьми с 1 года после рождения до полутора лет. Женщины второго типа по возможности использовали отпуск полностью, а затем устраивались работать непосредственно в детский сад или на работу, позволяющую забирать ребенка пораньше и, если нужно, долго сидеть с ним на больничном: *“Муж категорически против новой работы был, так как сам он по командировкам ездил. А там мне поставили условие работать в две смены. Директор так и сказал: Я вам даю квартиру, а вы будете работать в две смены, а при необходимости – в три. А детей надо было забирать из садика. Вроде бы муж сначала согласился их забирать, а потом отказался”*.

Когда ребенок достигал школьного возраста, он становился самостоятельнее, и мать могла перейти на рабочее место с более высокой оплатой, чаще к тому времени, когда ребенку исполнялось 10–12 лет, или если у нее к этому времени распадался брак/ухудшалось его качество (типичный вариант – муж пьет, денег от него мало).

Если у ребенка при рождении или в детском саду начинались проблемы со здоровьем, мать могла использовать возможность сидеть с ним дома до 14 лет без прерывания стажа, но чаще женщины все-таки стремились найти хоть какую-то работу, по максимуму совместимую с уходом за больным ребенком: *“У меня ребенок родился больной, у него тугоухость и поэтому мне пришлось... возле дома что-то искать, и здесь у нас есть общество инвалидов... общество слепых. И я пошла работать туда экономистом”*.

Однако в конце концов и эти женщины опять выходили на (лучше оплачиваемую) работу, поскольку на нужды старшеклассников, пусть это даже всего лишь одежда и обувь быстро растущего подростка, а также на обустройство жилья и т.д. хотелось побольше заработать и в ту эпоху. Это их рабочее место, как правило, было связано совсем с другой специальностью и чаще всего – с потерей квалификации.

Второй тип материнского поведения существовал практически исключительно в брачных союзах (эти женщины были склонны к тому, чтобы пытаться адаптировать свой брак к своему материнству, а также адаптироваться к союзу почти любого качества почти любыми способами и в течение длительного времени).

Как крайний вариант второго типа, появилась категория женщин, которые осознанно предпочитали вообще не работать, и выходили на рынок труда под давлением родственников или обстоятельств, то есть зародилась категория будущих “профессиональных” матерей. В полном объеме осуществить такую интенцию им не удавалось, общественное признание такой деятельности появится только в 1990-е или даже 2000-е годы: *“Когда... дочка родилась, и я не работала, многие говорили, что с ребенком сидеть – это такая скука. Но у меня такого абсолютно не возникало, у меня всегда было чем заняться, дел было невпроворот, и мне нравилось сидеть с ней. А потом свекор начал на меня давить: Почему это она не работает, дома сидит...”*. В целом, ориентированные на семью женщины, на фоне “среднего”, типичного поведения участников рынка труда в позднесоветскую эпоху, относительно редко переходили с места на место.

Имело значение образование и квалификация и их ценность для самой женщины – чем выше был уровень образования, чем более редких навыков требовала профессия, тем сложнее было с ней расстаться. Однако матери, склонные ко второму типу поведения, все же были готовы “потерять” профессию ради семьи. Тип поведения матери в 1970-е – 1980-е гг. во многом определялся не только личным выбором, но и объективными ограничениями – например, у кого-то не было рядом бабушки, кому-то было трудно устроить ребенка в детский сад, кому-то нужно было поменять место работы, чтобы получить квартиру.

1990-е гг. характеризуются сломом привычного жизненного уклада, прежде всего в отношении доступности достаточно доходных и стабильных рабочих мест. Для многих матерей адаптация к новым условиям оказалась проблематичной.

Два описанных выше типа поведения модифицируются в условиях стремительно изменяющейся экономики. Вариантов становится больше. Для женщин с низким уровнем образования и дохода характерным оказывается быстро меняющееся материнское и трудовое поведение. Многие из них стремились хотя бы ненадолго создать союз с мужчиной и, родив детей, пожить некоторое время на его содержании, не работая. Такие союзы, как правило, оказывались крайне недолговечными, да и не всегда желательными для мужчин в условиях, когда многие из них с трудом могли заработать и на собственное пропитание. Кроме того, мужчины в чаще умирали, когда их дети были еще маленькими, уходили из семьи. А если они пили, то в 1990-е гг. это означало гораздо большую экономическую несостоятельность, чем десятилетием раньше, поскольку тогда хоть какой-то заработок был автоматически гарантирован практически всем.

В результате большинству женщин, выбор которых был скорее в пользу семьи, – следовать ему не получалось. Причем высокообразованные женщины относительно часто и в этих условиях сохраняли профессию, а матери малообразованные, как правило, работали уборщицами, реже – продавцами, еще реже – на более квалифицированных рабочих местах на заводе. Их доход, как правило, был ниже прожиточного минимума, им приходилось дополнять его трудом на приусадебном участке, занимать деньги в долг, не платить за квартиру годами, иногда – прибегать к серийному сожительству с мужчинами (или по крайней мере стремиться к нему) именно для дополнения дохода до необходимого минимума: *“Вот если о чем и мечтаю, так это о двух вещах: чтобы семья у меня появилась полная, муж, дети еще... Это очень важно, потому что это тыл, это стабильность. Это, между прочим, и решение финансовых вопросов”*.

Развитие материнской части труда в ту эпоху шло противоречиво. С одной стороны, для многих возможность отдать ребенка в ясли как можно раньше становится очень важной для того, чтобы начать работать и зарабатывать. С другой, режим работы на новых рабочих местах совершенно не соответствовал режиму работы детских учреждений: *“Мне сложно, ребенок ходил в детский сад, его нужно было забирать оттуда в пять часов. Чтобы забрать его в пять часов, мне с любого места Москвы в четыре уже надо... уехать. В одной фирме мне сказали: будем платить 300 долларов, но надо сидеть до 6 часов как штык. Нанимайте няню, что угодно. Няню нанять 100 долларов. И сидеть там целыми днями за оставшиеся тоже смысла не было”*.

При этом у наиболее бедных мам даже не было денег, чтобы платить за детский сад. Поэтому такое устройство детей оказывалось оправданным только в случае, когда мама сама работала в детском саду – тогда и она, и ребенок могли там питаться, и еще оставалась маленькая “добавка” в виде крошечной зарплаты: *“Мы здесь [в детском саду] втроем кормимся – я, дочь и сын, то есть три члена семьи целый день сыты и по низким ценам”*.

Дети школьного возраста сохраняли самостоятельность, характерную для предыдущих эпох, но теперь многие матери оценивали ее как проблематичную, они хотели бы в большей мере контролировать детей: *“Я постоянно езжу к матери в деревню, сестра на хозяйстве и за Сашкой (сыном) приглядывает. Он ведь в 7 классе, нельзя его без присмотра оставлять, такой опасный возраст”. “...Я в коммуналке живу. У меня сосед – алкоголик. И ребенок вот приходит домой, а там не пойми что”*.

При этом (с точки зрения родителей) растет ценность образования, и даже самые бедные стремятся дать высшее образование детям, поскольку они видят, что рабочих мест для людей без образования становится все меньше и они очень ненадежны (эта же тенденция продолжается и в 2000-е гг.): *“В механики его пока не берут, надо высшее образование. Мне кажется, уже не поступит на бюджет. Мы морально настраиваемся на то, что платно”*.

Кроме того, становится постепенно неизбежным все более интенсивное вовлечение родителей в образование детей уже на уровне школы, даже в случае, когда сами родители – рабочие и у них всего лишь среднее образование: *“Я прихожу домой с работы и, кроме того, что магазины, так еще и уроки, я ведь должна их проверить, помочь чем-то и объяснить”*. С другой стороны, в условиях крайней бедности оказывается важным использование всех возможностей извлечения дохода, и подростки часто подрабатывают, особенно на каникулах.

Для женщин с образованием и профессиональной структурной перестройкой рынка труда также сложна, но их трудности менее остры. Многие приоритизируют профессию просто потому, что это обеспечивает хотя бы какую-то индивидуальную психологическую устойчивость в нестабильные времена: *“Но я уже не могу идти подрабатывать только за деньги... То есть... по крайней мере, ученый не может бросить всю науку и заняться только подработкой, которая приносила бы... деньги”*. Некоторые любят ра-

боту настолько, что выходят на нее почти сразу после рождения ребенка. Интересно радикальное изменение в восприятии такого поведения окружающими (удивление, восхищение, осуждение) по сравнению с 1950-ми гг., когда это, видимо, было скорее нормой: *“Когда я появилась [на работе] через полторы недели [после родов], некоторые сначала испугались, почему так быстро. Были вопросы такие: “А с ребенком все в порядке?” ... Некоторые относятся не враждебно, а “Сиди дома с ребенком, не фиг тебе на работу ходить” ... Некоторые – просто в восхищении, что человек и ребенка воспитывает, и работу не бросает”*.

Во всех образовательных группах происходит переоценка мужчин как брачных партнеров: те, кто выходил замуж в 1980-е, могли себе позволить не считать способность мужа зарабатывать деньги чем-то важным, в 1990-е гг. способность приносить в дом деньги постепенно выходит на первый план. Трудовые переходы в это время становятся очень частыми, особенно у матерей без образования, особенно если они — единственные кормильцы или вносят существенную долю в семейный бюджет — матери мигрируют с одного плохого рабочего места на другое в поисках такого, которое давало бы достаточный доход и позволяло бы уделять хоть какое-то внимание детям, и часто так и не могут найти того, что бы их устраивало. Многие пристраиваются к учреждениям бюджетной сферы (школам, больницам) — уборщицами, санитарками, посудомойками, гардеробщицами. Лишь единицы решаются уйти в рыночный сектор и создать свой бизнес.

Практики дискриминации по признаку материнства распространяются и становятся все более откровенными: *“Сколько я ходила по этим собеседованиям... Всех устраивало — и возраст; и образование; и знание компьютера. Как только ты объявляешь, что у тебя ребенку два или три года, сразу взгляд тускнеет...”* А с 2000-х гг. такая дискриминация воспринимается как вариант нормы. Однако если мать в состоянии доказать, что “проблему с материнством” она сможет решить так, что ей не понадобится никакого специального рабочего режима, сложности при трудоустройстве уменьшаются.

2000-е гг. отличаются прежде всего большим благополучием. В поведении женщин меньше вынужденности и больше свободного выбора. Окончательно определилась ценность образования и стремление вкладывать больше усилий в детей. В детский сад стало устроиться труднее, это теперь можно сделать позже, и при отсутствии поддержки родственников матери оказываются вне работы 3 года. Некоторые используют это время для получения дополнительного образования, смены профессии: *“Ребенок родился, с ним сидела, а сама пока училась. Ребенок даже помог состояться профессионально, второе образование получила”*.

Но выйти на “хорошее” рабочее место — по прежней или новой профессии — они могут только в случае, когда их ребенок не только посещает детсад, но и имеется няня или заменяющая ее бабушка. Если же ребенок маленький, а мама работает практически без перерыва на уход за ним (это характерно для тех, чья зарплата велика и существенна для семьи), часто необходима мобилизация всех возможных ресурсов: *“Да, и [бабушки] помогали, и няню нанимали какое-то время... Всякое было”*. Няни становятся более распространенными, так как многие бабушки стремятся продолжать работать как можно дольше [Здравомыслова, 2014]. Часы работы матерей и детских учреждений становятся окончательно несовместимыми. Поскольку инвестиции в образование детей и стремление их контролировать тоже выросли, содержание труда бабушки (или платной “бабушки”, то есть няни) диверсифицировалось: кроме всегда существовавших потребностей заменить мать в уходе за совсем маленьким ребенком, появилась (или, по крайней мере, повсеместно распространилась) совершенно иная функция транспортного сопровождения школьников и детсадовцев на различные занятия и обеспечения им бытового комфорта по окончании школьных уроков: *“Все эти годы я очень нужна была... [внукам], потому что они школьники... и*

вот я встречала их со школы практически каждый день... первый класс... было невозможно одной успеть... и деда привлекали. ...Оля [дочь] такой шустрый вопрос задавала: "Мам, мы вот, кроме школы, будем еще на гимнастику водить, мы тебя берем на работу!" ". Кто-то из наших респондентов нанимает няню, кто-то "работает бабушкой" у собственных детей, есть и случаи именно коммерческого выполнения этой работы не у своих родственников.

Для работающей матери все это означает необходимость платить няне не только много, но и долго, иногда до возраста, когда ребенку исполняется 12–13 лет. Соответственно, она всегда готова перейти на работу с более высокой зарплатой – или идти на работу с меньшей оплатой, но социальными гарантиями, и выполнять функции "сопровождения" хотя бы в каком-то объеме самостоятельно.

Маркетизация труда бабушки не всегда происходит безболезненно и бесппроблемно – иногда стремление бабушки получить деньги за свою работу воспринимается, как аморальное, неправильное поведение: *"[Свекровь] раньше много с внуком помогала ... А за это потом ... Я же ей деньги взаймы давала... я пришла, говорю: Мне деньги нужны. – А она мне: Я с твоим ребенком сидела? Считаю, за это. – Но с ребенком это же вы хотели, я же вас не заставляла. Короче, мне вот так она сказала. Мне до сих пор она не отдала"*.

Появляются и неработающие матери на иждивении у мужей. Возникает новая норма материнства как интенсивного труда, серьезных трудовых и денежных инвестиций в ребенка в любом его возрасте. Большинство же матерей по-прежнему находится в роли "добытчика" второго дохода в семье, а также "страховки" для мужа, если у того в работе или бизнесе "что-то пойдет не так". Их, а также одиночек, по-прежнему привлекает рабочее место в бюджетной сфере – с социальными гарантиями и возможностью брать больничный: *"Стабильная зарплата... наличие вот этого большого отпуска, что с детьми очень удобно... больничные, то есть я могу в любой момент, даже если ребенок чуть-чуть закашлял, уйти на больничный и полностью его отсидеть, что, я знаю, не приветствуется в коммерческих организациях"*.

Однако в эту эпоху почти никто не работает за зарплату ниже прожиточного минимума, и трудовые переходы опять становится немного – но больше, чем в советское время, поскольку предприятия теперь все же иногда ликвидируются, а работники всегда готовы уйти на место с более высокой зарплатой и/или более привлекательными условиями труда. Многие постоянно открыты новым предложениям, но поиски новой работы в среднем менее интенсивны, чем в 1990-е гг.

Выводы. Нормы, определяющие позицию матери как "неидеального" работника [Ridgeway, Correll, 2004], на рынке труда существовали во все рассмотренные десятилетия, но значительно усилились с переходом к рыночной экономике — в 1990-е и 2000-е гг. Только способность женщины так организовать уход за детьми, чтобы в результате работать не менее интенсивно, чем мужчины или бездетные женщины, позволяет матери приблизиться к статусу "идеального" работника. На это способны очень немногие, как в силу ограничений (недостаточность родственных ресурсов, недостаточная общественная поддержка материнского труда), так и потому, что значительное число женщин осознанно выбирает тип поведения, при котором участие в рынке труда является вторичным по значимости и приспособляется к семейной стороне их жизни. Однако есть и те, для кого приоритетом является именно работа, и они хотели бы выполнять свои материнские обязанности по минимальному, "остаточному" принципу. В два последних советских десятилетия (1970-е и 1980-е гг.) первых и вторых было примерно поровну, и они успешно использовали свойственные той эпохе ресурсы для осуществления избранного типа поведения. При этом женщины, отдающие приоритет работе, часто всю жизнь трудились на одном и том же предприятии, а матери, адаптирующие работу под семью, нередко переходили на менее квалифици-

рованную работу после отпуска по уходу за ребенком. Но практически никто не покинул рынок труда совсем.

В 1990-е гг. обе эти группы женщин прошли через период вынужденной адаптации к новым условиям. Возникла и третья группа матерей — выбирающих, по крайней мере на какое-то время, полный уход с рынка труда. Но все эти три группы фактически вели себя не так, как им хотелось бы, а так, как диктовали обстоятельства, которые никому из них не удавалось полноценно контролировать.

Доступные матерям в тот период рабочие места часто характеризовались зарплатой ниже прожиточного минимума, а режим работы в других местах был несовместим с материнством. Трудовых переходов именно в это время было особенно много, так как большая часть рабочих мест не обеспечивала базовую потребность в получении достаточного дохода.

Нарастала и открытая дискриминация женщин с детьми со стороны работодателей, что в советское время встречалось лишь в единичных случаях. В этом отношении можно согласиться с Т. Карабчук и В. Панкратовой в том, что неблагоприятная ситуация с работой матерей в России была связана со всеми тремя возможными факторами их дискриминации (различия в человеческом капитале, характеристиках рабочего места, и открытая дискриминация).

Все это продолжало влиять на ситуацию и в 2000-е гг. Однако к этому времени рынок труда и работники уже до некоторой степени приспособились друг к другу и новым «правилам игры». Три основные категории матерей по отношению к поведению на рынке труда оказалось опять возможно выделить, и личный выбор женщин в эту более благополучную эпоху играл уже существенную роль. Появились неработающие матери, инвестирующие свои усилия в интенсивное развитие детей вплоть до подросткового возраста, хотя, в этом можно согласиться с О. Савинской, таких меньшинство.

Женщины, ориентированные на карьеру, теперь все чаще решали вопросы интенсивного развития своих детей (на коммерческой основе), в связи с чем, с одной стороны, они оказались заинтересованы в как можно более высокой зарплате, а с другой — выросла востребованность профессии няни и диверсификация внутри нее, так как теперь существенная вовлеченность в воспитание детей стала требоваться вплоть до подросткового возраста. Этот процесс слит и взаимосвязан с коммерциализацией роли бабушки, узнавшей рыночную цену своему труду. Большинство же матерей работает на таких рабочих местах, где зарплата относительно низка, но есть возможность хотя бы иногда уходить на больничный, и имеются и другие социальные гарантии. Но теперь и на этих местах зарплата превышает прожиточный минимум и требует некоторой квалификации.

Трудовые переходы в связи с поступлением ребенка в школу нами также не отмечены. Бросать работу, на которой к этому времени, как правило, достаточно удачно получается трудиться уже несколько лет, всего лишь года на 3–4 и для того, чтобы потом опять выходить на такую же или лучшую, матери не рискуют, что согласуется с данными Т. Карабчук и М. Нагерняк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арженовский С., Артамонова Д. Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. 2007. 3 (7). С. 66–79.
- Житникова Е.А. Гендерная дискриминация и особенности её проявления в России // Научные записки. Орел ГИЭТ. 2. 2010. URL: <http://www.orelgiet.ru/monah/75jk.pdf> (дата обращения:).
- Зеленская Л.М. Проблемы гендерного равенства в оплате труда на российском рынке труда// Управленец. 2010. 5–6 (9–10): 72–73.
- Здравомыслова Е. Кризис роли бабушки. URL: http://www.chaskor.ru/article/krizis_rol_i_babushki_36911 (дата обращения: 13.11.2014).

- Карачук Т.С., Нагерняк М. Детерминанты занятости для матерей в России // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 1. С. 25–48.
- Карачук Т.С., Панкратова В.Л. Оплата труда матерей в России: существует ли дискриминация? // Экономическая социология. Т. 14. № 1. Январь 2013. С.
- Кравченко Л.А. Гендерная дискриминация в сфере занятости // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. 69. С. 139–142.
- Мезенцева Е.Б. Кадровая политика предприятий и перспективы женской занятости. // Работающие женщины в условиях перехода России к рынку / Отв. ред. Ржаницына Л. С. М.: Институт экономики РАН, 1993. С. 95–113.
- Новикова Т.А. Женщина и рынок труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Экономика. 1. 2003. С. 146–154.
- Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда // Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Отв. ред. Гимпельсон В., Капелюшников Р. М.: Изд. дом. ВШЭ, 2008. С. 250–294.
- Побежко О.Н. Гендерная и возрастная дискриминация в трудовых отношениях // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. 1 (3). С. 170–171.
- Савинская О. Б. Забота о детях работающих москвичек // Социологические исследования. 2011. №1. С. 137–142.
- Стукен Т.Ю. Дискриминация в заработной плате на российском рынке труда // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 6. С. 127–130.
- Anderson D., Binder M., Krause K. The Motherhood Wage Penalty Revisited: Experience, Heterogeneity, Work Effort and Work-Schedule Flexibility // Industrial and Labour Relations Review. 2003. 56 (2). С. 273–294.
- Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: University of Chicago Press, 1964.
- Biddle J., Zarkin G. Worker Preference and Market Compensation for Job Risk // Review of Economics and Statistics. 1988. 70 (4). P. 660–667.
- Budig M., England P. The Wage Penalty for Motherhood // American Sociological Review. 2001. 66: 204–225.
- Burgess, Noël. “The Motherhood Penalty: How Gender and Parental Status Influence Judgments of Job-Related Competence and Organizational Commitment.” 2013. URL: http://www.uri.edu/research/lrc/research/papers/Burgess_Motherhood_Penalty.pdf (дата обращения:).
- Cain G. The Economic Analysis of Labour Market Discrimination: A Survey // Handbook of Labour Economics. Amsterdam, North-Holland: Elsevier, 1986. P. 693–781.
- Crosby F. J., Williams J. C., Biernat M. 2004. “The maternal wall” // Journal of Social Issues. 2004. 60. P. 675–682
- Davies R., Pierre G. The Family Gap in Pay in Europe: A Cross-Country Study // Labour Economics. 2005. 12 (4). P. 469–486.
- Joshi H., Newell M. Pay Differentials and Parenthood: Analysis of Men and Women Born in 1946. Coventry, UK: University of Warwick for Employment Research, 1989.
- Neumark D., Korenman S. Sources of Bias in Women’s Wage Equations: Results Using Sibling Data // Journal of Human Resources. 1994. 29 (2). P. 379–405.
- Ogloblin C. Gender Earnings Differential in Russia // Industrial and Labor Relations review. 1999. 52 (4). P. 602–627.
- Ridgeway, Cecilia L., Shelley J. Correll. 2004. “Motherhood as a Status Characteristic” // Journal Of Social Issues. 2004. 60. № 4. P. 683–700.
- Waldfoegel J. The Effect of Children on Women’s Wages // American Sociological Review. 1997. 62 (2). P. 209–217.
- Waldfoegel J. The Family Gap for Young Women in the United States and Britain: Can Maternity Leave Make a Difference? // Journal of Labor Economics. 1998a. 16. P. 505–545.

Журнал издается под руководством Отделения общественных наук РАН

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

З. БАУМАН – проф., Ун-т г. Лидс (**Великобритания**); А.О. БОРОНОЕВ – д.филос.н., проф., СПбГУ (**Россия, Санкт-Петербург**); П.П. ВЕЛИКИЙ – д.филос.н., проф., Ин-т аграрных проблем РАН (**Россия, Саратов**); Ю.Г. ВОЛКОВ – д.филос.н., проф., Южнороссийский федер. ун-т (**Россия, Ростов-на-Дону**); В.Г. ГОРОДЯНЕНКО – д.ист.н., проф., Днепрпетровский нац. ун-т (**Украина**); Д. ДеБАРДЕЛЕБЕН – проф., Карлетонский ун-т (**Канада**); В.И. ЖУКОВ – академик РАН, РГСУ (**Россия**); Г.Е. ЗБОРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., Уральский федер. ун-т (**Россия, Екатеринбург**); К. ИСАЕВ – д.филос.н., проф., Ун-т “Манас” (**Кыргызстан**); Д. МАРКОВИЧ – д.филос.н., проф., Белградский ун-т (**Сербия**); А. МАТУЛИОНИС – д.филос.н., проф., Ин-т философии и социологии (**Литва**); Р.Т. НАСИБУЛЛИН – д.соц.н., проф., Уфимский гос. авиац. ун-т (**Россия, Башкортостан**); А.Н. НЫСАНБАЕВ – академик НАН РК (**Казахстан**); И.И. ОСИНСКИЙ – д.филос.н., проф., Бурятский гос. ун-т (**Россия, Улан-Удэ**); К. ОСТРОВСКИЙ – д.филос.н., проф., Ун-т г. Пултуска (**Польша**); Г.А. ПОГОСЯН – академик НАН РА (**Армения**); Г.Н. СОКОЛОВА – д.соц.н., проф., Ин-т социологии НАН (**Беларусь**); Р.А. УБАЙДУЛЛАЕВА – академик АН РУ (**Узбекистан**); П. ШТОМПКА – проф., Ягеллонский ун-т (**Польша**)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор Ж.Т. ТОЩЕНКО – член-корр. РАН

Ю.В. АРУТЮНЯН – член-корр. РАН, Ин-т этнологии и антропологии РАН;
М.К. ГОРШКОВ – академик РАН, ИС РАН; С.И. ГРИГОРЬЕВ – член-корр. РАО;
С.Ю. ДЕМИДЕНКО (**отв. секретарь**); Ю.А. ЗУБОК – д.с.н., проф., ИСПИ РАН;
В.Н. ИВАНОВ – член-корр. РАН, советник РАН; С.Г. КИРДИНА – д.с.н., проф., ИЭ РАН; В.Н. КНЯЗЕВ – д.псих.н., проф., РАГС при Президенте РФ;
В.П. КОЛОМИЕЦ – д.с.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова; С.А. КРАВЧЕНКО – д.ф.н., проф., МГИМО(У); В.В. ЛАПАЕВА – д.ю.н., проф., Ин-т государства и права;
В.К. ЛЕВАШОВ (**зам. главного редактора**) – д.с.н., проф., ИСПИ РАН;
Вал.А. ЛУКОВ – д.ф.н., проф., МосГУ; С.А. МАГАРИЛ – к.э.н., доц.;
А.Л. МАРШАК – д.ф.н., проф., Московский соц. ун-т, ИС РАН; И.В. ОБРАЗЦОВ – д.с.н., проф., Московский гос. лингв. ун-т; Д.Г. ПОДВОЙСКИЙ – к.ф.н., доц., РУДН;
Н.Е. ПОКРОВСКИЙ – д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ; Н.В. РОМАНОВСКИЙ (**зам. главного редактора**) – д.и.н., проф.; Л.Л. РЫБАКОВСКИЙ – д.э.н., проф., ИСПИ РАН;
Р.Х. СИМОНЯН – д.с.н., проф., ИС РАН; Г.Г. ТАТАРОВА (**зам. главного редактора**) – д.с.н., проф., ИС РАН; А.В. ТИХОНОВ – д.с.н., проф., ИС РАН; В.В. ЩЕРБИНА – д.с.н., проф., РГГУ, ИС РАН; А.Г. ЭФЕНДИЕВ – д.ф.н., проф., НИУ ВШЭ

РЕДАКЦИЯ:

Э.К. БИЙЖАНОВА (**зав. редакцией**), С.Ю. ДЕМИДЕНКО, Т.И. ЕРЕМЕЕВА,
А.А. ЗОТОВ, А.В. КУЛЕШОВА, С.А. МАГАРИЛ, Н.К. ОРЛОВА, И.К. ПИНЧУК,
И.П. ПОПОВА, Н.В. РОМАНОВСКИЙ, О.Н. ХУХАРЕВА, И.О. ШЕВЧЕНКО

Сдано в набор 00.00.2015 г. Подписано в печать 00.00.2015 г. Дата выхода в свет 00.07.2015 г.
Формат 70 × 100^{1/16} Печать офсетная Усл. печ.л. 14,3 Усл. кр.-отт. 6,1 тыс.
Уч.-изд.л. 17,9 Бум.л. 5,5 Тираж 418 экз. Зак. 294 Цена свободная

Учредитель:

Российская академия наук
Институт социологии РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука”,
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117218 Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5. Тел./факс 84991288439
Адрес в Интернете: www.isras.ru; www.ecsocman.edu.ru; E-mail: socis@isras.ru

Оригинал-макет подготовлен издательством “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099 Москва, Шубинский пер., 6